

У передней двери стоял высокий парень с широкими плечами и мощной спиной. Его стрижка «под ноль» открывала резкие черты лица, в глубоких глазах таилась затаенная свирепость, а голос звучал непривычно низко и хрипло для подростка:

— Ребята, Цзян Хуай здесь?

От автора:

Председатель: ???

Старина Цинь в строю!

Вэй Хэпин удрал в туалет еще до звонка, поэтому они со стариной Цинем разминулись.

Ученики за передними партами замерли в тишине.

Незнакомец у двери казался их ровесником, но в его облике уже прогадывались черты взрослого мужчины. Темное пальто, свитер с высоким горлом, длинные ноги, армейские полусапожки. Без школьной формы, с ярким, запоминающимся лицом, однако совершенно незнакомый.

Выглядел он до чертиков опасным... Похоже, опять кто-то пришел сводить счеты с Цзян Хуаем.

Никто не обронил ни слова.

Настроение у Цинь Юйхэ было паршивым. Он взял в школе отпуск больше чем на неделю раньше и прилетел ночным рейсом из Лондона в город Б — более десяти часов в пути... А в итоге, когда после посадки он написал Цзян Хуаю, за всё утро тот так ему и не ответил.

О том, что он отпросился и возвращается на родину раньше времени, он не сказал даже родителям — первым делом сообщил Цзян Хуаю. Однако тот на него даже внимания не обратил.

Всё изменилось, прошлые дни ушли.

Еще не начав говорить, он уже готов был расплакаться.

Цзян Хуай изменился.

Цзян Хуай его больше не любит.

Перед тем как прийти в школу Цзян Хуая, Цинь Юйхэ сперва снял номер в гостинице неподалеку и временно сбросил туда багаж... Родители еще не знали о его возвращении, так что ему предстояло какое-то время пожить в отеле.

Но Цинь Юйхэ думал: если Цзян Хуай искренне признает свою вину и с душой пригласит «папочку» пожить у себя, он, так и быть, сжалится и согласится провести пару дней в доме Цзян Хуая.

Цинь Юйхэ окинул взглядом кабинет Второго класса. Ни Цзян Хуая, ни Вэй Хэпина не обнаружилось.

Он опустил голову и спросил ученика за первой партой у передней двери:

— Слушай, Цзян Хуай в этом классе учится?

— Да... да.

Цинь Юйхэ прищурился, посмотрел на него свысока и спросил, сунув руки в карманы:

— И где он сидит?

Ученик испуганно вжал голову в плечи, боясь, как бы вспыльчивый босс не выместил злость на нем, и указал назад:

— Возле задней двери. Предпоследний ряд, то место.

— Ага, спасибо. — Цинь Юйхэ вошел во Второй класс.

День рождения у Цзян Хуая в декабре. Предыдущие два года Цинь Юйхэ присылал ему подарки из-за границы по почте, а в этом году приехал раньше и привез подарок лично.

В отеле лежал скейтборд из лимитированной коллаборации, который он заказывал еще полгода назад.

Цинь Юйхэ подошел к предпоследнему ряду. Он перебрал сложенные в несколько раз исписанные красными и черными чернилами бланки контрольных... и убедился, что этот уродливый почерк точно принадлежит его другу детства.

Он привычным жестом вытащил из пенала Цзян Хуая ручку, достал черновик и от руки написал ему записку.

Цзян Хуай мог целый день не отвечать в WeChat, но Цинь Юйхэ не верил, что тот целый день не появится в классе.

Цинь Юйхэ вернул ручку на место, слегка прибрал стол Цзян Хуая, поправил воротник и направился к задней двери.

Едва он приоткрыл заднюю дверь, как прищурился.

В коридоре у окна стоял тот самый пёс-Альфа, которого он много раз видел на школьном форуме Второй школы и который однажды уже оставлял Цзян Хуая временную метку. Он стоял вполоборота, только что закончив разговор с другим парнем, и как раз повернул голову.

Одного этого взгляда Цинь Юйхэ хватило, чтобы понять: у этого пса-Альфы точно недобрые намерения.

Чэнь Фэнцзэ ушел, а Цинь Юйхэ подошел ближе.

— Так это ты Бо Цзянь? — Цинь Юйхэ слегка задрал подбородок.

Бо Цзянь тихо усмехнулся:

— Одноклассник Цзян Хуая по начальной школе?

Цинь Юйхэ ухмыльнулся:

— Одноклассников по начальной школе у Цзян Хуая пруд пруди, а вот друг детства — я один.

Все познания Цинь Юйхэ о Бо Цзяне исходили из школьного форума Второй школы. На школьном форуме Второй школы помимо всевозможных похвальных постов, рекламы, объявлений, голосований и фанатских восторгов от Омег (которые Цинь Юйхэ всегда пролистывал, считая полной чушью), были еще и фанфики про Цзян Хуая и Бо Цзяня.

В этих фанфиках председатель Бо представлял не иначе как холодной, упрямой, роковой красавицей-матерью, ставшей Омегой ради любви и пережившей кучу выкидышей (что вызывало большие сомнения).

Как известно, искусство произрастает из реальности.

Но если об Альфе на школьном форуме сочиняют такую дичь... Цинь Юйхэ был убежден, что у Бо Цзяня, черт возьми, самые коварные замыслы.

— О, — небрежно отозвался Бо Цзянь, — друзей у Цзян Хуая тоже хватает... А вот парень — я один.

Цинь Юйхэ внезапно умолк.

Спустя мгновение он въелся взглядом в Бо Цзяня:

— Повтори-ка еще раз то, что сейчас сказал.

Бо Цзянь изобразил безупречно вежливую улыбку:

— Ох, неужели Цзян Хуай забыл рассказать своему другу?

Он небрежно добавил:

— А я-то думал, вы с Цзян Хуаем близкие друзья.

Цинь Юйхэ снова замолчал.

Спустя долгое время он ледяным взглядом уставился на Бо Цзяня, но ничего не ответил, лишь спросил:

— Где сейчас Цзян Хуай?

— Тебя ведь зовут Цинь Юйхэ, верно? — Бо Цзянь не стал отвечать на вопрос. Приняв вид примерного ученика, он наигранно улыбнулся: — Правила Второй школы запрещают посторонним учащимся находиться на территории.

Он немного помолчал и спросил:

— Позвать учителя Второй школы, чтобы тебя вывели?

Цинь Юйхэ прищурился:

— Напроситься на драку хочешь?

Бо Цзянь улыбнулся:

— С удовольствием.

Цзян Хуай проторчал в кабинете завуча по воспитательной работе три с половиной урока.

Окно шириной чуть больше метра: он стоял с восточной стороны, Лю Чан — с западной. Он не знал, смотрела ли на него Лю Чан, но сам на нее точно не смотрел.

Смотреть на дуру — только раздражаться.

Извинений не будет. Надо стоять — значит, будет стоять. На уроки он не пойдет, и если завуч по воспитательной работе не сочтет, что он мозолит глаза, он готов простоять здесь хоть целую неделю.

Три урока плюс перемены — в общей сложности три-четыре часа.

У Лю Чан затекли лодыжки, горели ступни, ломило икры... А отбитый парнем пару недель назад лоб, где только-только сошли болячки, снова заныл.

Она украдкой скосила глаза на Цзян Хуая у восточной стены. Цзян Хуай стоял лицом к стене, сунув правую руку в карман, и за несколько часов практически не шелохнулся... за исключением левой руки. Возле левой руки стоял вазон с цветком, на котором росли одни лишь листья. Когда Лю Чан присмотрелась, оказалось, что Цзян Хуай от нечего делать втихаря ощипывает листья с дежурного горшка завуча по воспитательной работе.

Лю Чан подумала, что так продолжаться не может: если дело пойдет дальше в таком духе, Цзян Хуай общиплет все цветы завуча дочиста.

Как раз в этот момент все учителя из кабинета завуча по воспитательной работе вышли.

Лю Чан тихонько сделала пару шагов в сторону Цзян Хуая, а затем еще пару шагов.

Лю Чан подобралась к Цзян Хуаю справа.

Цзян Хуай всё прекрасно почувствовал, лишь про себя усмехнувшись: идиотка наверняка устала стоять и решила переступить через свою гордость, чтобы напроситься на перемирие.

Цзян Хуай не шелохнулся, ничего не сказал, сохраняя полное хладнокровие на лице.

Лю Чан покашляла, прочищая горло:

— Ты зачем выдергиваешь листья у цветка, который выращивают учителя?

Цзян Хуай даже не повернул головы:

— А тебе-то какое собачье дело?

— Как это не какое собачье... не мое дело? — возмутилась Лю Чан. — Ты ощипаешь у учителя все цветы, а потом училка спросит и с меня, и с тебя!

Цзян Хуай ответил:

— Каждый отвечает за себя. Я ободрал цветы — я и отвечу.

Лю Чан разозлилась, про себя подумав: твою мать, да почему этот упертый Цзян Хуай совсем

ничего не понимает, неужели нельзя дать ей нормальный выход из ситуации?!

Подумав еще немного, она с праведным видом заявила:

— Так нечестно! Если я на тебя не донесу, то по закону это... как его... укрывательство! Тогда ты будешь главным преступником, а я — соучастницей!

Цзян Хуай:

— ...

Спустя пару секунд Цзян Хуай всё-таки не выдержал и повернулся к ней:

— Ты что, совсем умом тронулась?

Лю Чан раскричалась:

— Вот, ты опять меня обзываешь!

Цзян Хуай изогнул губы:

— Будешь дальше вякать — еще раз врежу.

— Не надо, — возразила Лю Чан. — Я не железная, мне и одного раза хватило.

Увидев, что Цзян Хуай больше не обращает на нее внимания, она стиснула зубы и добавила:

— Я ведь тоже не каждый день специально наговариваю на людей... Однократного раза мне хватило, больше не буду.

Цзян Хуай приподнял веки.

Лю Чан на самом деле прекрасно всё понимала: Цзян Хуай бесил её еще с первого года старшей школы. Ее мать дома постоянно ругала Цзян Хуая, так что и она прониклась к нему неприязнью: спал на уроках, забивал на дисциплину, делал всё наперекор классному руководителю... И, конечно же, она еще больше ненавидела его за тот случай, когда он избил Омегу и едва не совершил принудительную метку.

Но когда история всплыла наружу, оказалось, что Цзян Хуай не виноват.

Лю Чан стиснула зубы, помедлила немного, затем повернулась и низко поклонилась Цзян Хуаю:

— Цзян Хуай, извини. У меня язык без костей, признаю.

Ее голос звучал тихо-тихо:

— Если ты обязательно хочешь, чтобы я пошла к председателю извиняться... я пойду.

Затем она добавила:

— Но я все равно считаю, что распускать руки — это неправильно.

Цзян Хуай лениво повернулся и посмотрел на затылок Лю Чан... Та все еще стояла согнувшись в поклоне.

Он приподнял уголок губ:

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой к завучу по воспитательной работе признавать вину?

<http://bllate.org/book/18377/1766624>